

УДК 338

ПОСТИНДУСТРИАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ: ПРОБЛЕМА ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

THE POST INDUSTRIAL TRANSFORMATION OF ECONOMIC SYSTEMS: THE PROBLEM OF THEORETICAL RECONSTRUCTION

ВЕДИН Н.В., д-р экон. наук, профессор кафедры экономической теории, КНИТУ-КАИ им. А.Н. Туполева

Тел.: моб. 8(927)673-82-17; дом. 8(843)236-48-94

E-mail: nick_vedin@mail.ru

VEDIN N., Professor of Economics, Kazan Technical University, Tupolev Air Craft Institute

Tel.: mob. 8(927)673-82-17; house 8(843)236-48-94

E-mail: nick_vedin@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются подходы к анализу постиндустриальной трансформации современного общества. Обсуждается проблема генезиса постиндустриальной экономики и анализируется адекватная ей система присвоения. Исследуются изменения в организации бизнеса, связанные с постиндустриальными тенденциями.

Abstract

The author of the article points out the approaches to the analysis of post-industrial transformation of a modern society. The problem of the genesis of post-industrial economy is discussed and reviews of the adequacy of its appropriation mode are given. Changes in business organization, related to the post-industrial trends, are investigated.

***Ключевые слова:** постиндустриальное общество, информация, интерактивная модель, социальная структура, всеобщая производительная сила, способ присвоения.*

***Key words:** a post industrial society, information, an interactive model, a social structure, universal productive power, an appropriation mode.*

История распорядилась таким образом, что институциональное реформирование российской экономики и ее реиндустриализация осуществляются на фоне общемировых постиндустриальных тенденций, определяющих прогрессивный вектор эволюции мирового хозяйства. Эти тенденции носят объективный характер, практически не оставляя для стран, интегрированных в мировое экономическое пространство, выбора - принимать или игнорировать их требования. Но автоматически, без целенаправленных и сбалансированных усилий сообщества в лице

государства, хозяйствующих субъектов и общественных организаций они не реализуются. Согласование реформ с постиндустриальными приоритетами - это работа на долгосрочную перспективу, условие успеха преобразований и укрепления позиций России в глобальной экономике.

Тем более здесь нельзя двигаться вслепую, ограничиваясь конъюнктурным и поверхностным копированием опыта лидирующих стран. Наложение постиндустриальных изменений на процессы социально-рыночных преобразований придает особую значимость фундаментальным научным разработкам постиндустриальной проблематики, до сих пор изобилующей белыми пятнами.

Вперед, в прошлое, к истокам постиндустриализма

Концепция постиндустриализма еще совсем недавно, на памяти старшего поколения ученых, поражающая воображение многих современников свежестью открытия, убедительностью и историческим оптимизмом, незаметно превращается в расхожую формулу с не вполне определенным содержанием, применяемую от случая к случаю в текстах экономистов и социологов как удобный способ стадийной идентификации современного общества. Возможно, причиной тому оказались завышенные и не вполне оправдавшие себя ожидания быстрого наступления «золотого века» человечества. Как отмечает В.Т. Рязанов, «по мере становления постиндустриальной экономики радужные и оптимистические прогнозы сменились более осторожными, а то и просто пессимистическими ожиданиями» [5, с. 506]. Слишком впечатляющим оказался контраст между перспективой интеллектуально-духовного раскрепощения сил человека и экономического процветания цивилизации, с одной стороны, и реальным углублением пропасти между богатством и бедностью, усугубляющимся «формированием глобального имперского центра, исповедующего легитимность вмешательства в дела суверенных стран» [6, с. 20], - с другой.

Другая причина заключается в том, что концепция постиндустриального общества, сложившаяся изначально как относительно самостоятельная междисциплинарная область исследований, практически никак не повлияла на структуру и понятийный аппарат ведущих экономико-теоретических направлений - неоклассического мейнстрима и классической политической экономии, в той или иной степени тяготеющей к марксизму. Парадоксальность ситуации заключается в том, что современная теоретическая экономика, не отрицая значимости и глубины постиндустриальной трансформации экономических систем, оценивает и интерпретирует эти изменения через призму традиционных теоретических конструкций и представлений, сложившихся в эпоху индустриального капитализма.

Среди исследователей постиндустриальной проблематики широкое распространение получил восходящий к Д.Беллу ресурсный подход, выдвигающий в центр исследований информацию и знания. Однако даже такой, «ключевой» по Беллу, ресурс в «чистом», социально нейтральном виде малопригоден для теоретической реконструкции общественно-

экономического устройства. Выдвижение на первый план какого-либо ресурса (или продукта) подразумевает выяснение адекватной ему экономической формы движения, подобно товарной форме продукта в теоретической системе Маркса. (В противном случае анализ может быть сведен к простому выяснению особенностей рыночного оборота и капиталистического использования информации.) И если такая форма существует, то она должна была сложиться задолго до постиндустриальных преобразований. Такие глубокие социальные сдвиги не могут быть исключительно результатом стечения случайных обстоятельств. Они уходят своими корнями в прошлое и подготавливаются всем предшествующим развитием.

Даже для человека, малосведущего в истории и экономике, очевидно, что язык, знания, умения, информация, обучение, инновации - эти «постиндустриальные бренды» - «были всегда», т.е. сопровождали человечество на протяжении всей его жизни. А на заре человеческой истории, не говоря уже о более поздних общественных устройствах, в архаических сообществах информационный обмен имел не меньшее, а может быть и неизмеримо большее значение, чем для современной цивилизации.

Действительно ценным, жизненно важным ресурсом, обеспечивающим кооперативное поведение и выживание социально сильных первобытных коллективов, были формы общения - языковые и невербальные способы передачи информации, знания, умения, обычаи и т.д. Движение этих информационных компонентов при всей кажущейся хаотичности подчиняется некоей закономерности. Такой информационный массив создается всеми и присваивается каждым, не предполагая ограничений доступа и спецификации прав собственности. Человеческое сообщество было бы невысказимо вне этой универсальной формы общения и развития. Такова интерактивная модель¹ в чистом виде - «дар» первобытных предков постиндустриальным потомкам.

Интерактивная модель обладает специфическими свойствами: 1) она обеспечивает синергетический эффект, экспоненциально нарастающий с ростом масштабов, интенсивности общения и количества вовлекаемых участников; 2) она предполагает неисключаемость из интерактивной сферы каких-либо индивидов или их групп по причинам образовательного, профессионального, имущественного или иного свойства; 3) она толерантна по отношению к некооперативному поведению, не препятствуя товарному обмену и конкурентному распределению ресурсов. Более того, исторически именно интерактивная форма, в конечном счете, обеспечила главное условие возникновения товарного производства - выравнивание, дифференциацию и

¹ Под интеракциями здесь подразумеваются действия по взаимной передаче информации, вызванные общей заинтересованностью участников интерактивного обмена в накоплении и практическом использовании информационных ресурсов. В этом отношении интерактивная модель представляет собой необходимый компонент системы сотрудничества, которая основана на информационном обмене, в отличие от конкурентно-рыночной организации, основанной на обмене (взаимном отчуждении) товаров. Подробный анализ системы сотрудничества содержится в монографии автора данной статьи «Экономическая неоднородность обмена в хозяйственной эволюции общества», СПб., 2006.

развитие индивидуальных производительных свойств, что, в свою очередь, инициировало разделение труда, возникновение индивидуального (частного) интереса и стремление отдельных общинников к созданию собственного хозяйства. Вообще, у человечества в распоряжении были сотни тысяч лет, чтобы создать генофонд всех своих позднейших трансформаций.

Суть постиндустриальных перемен заключается, следовательно, не в появлении интерактивных элементов как таковых, а в масштабах и интенсивности их проявления, синхронизации взаимодействия и взаимообусловленности. Информационно-технологическая революция реализовала объективно возникшую потребность цивилизации в переход от локализованных кооперативных структур с доминированием конкурентных форм к глобальной интерактивной структуре, изменяющей конфигурацию современных экономических систем в пользу кооперативного (интерактивного) структурного уровня. В этой новой конфигурации интерактивная структура оказывает все более значимое модифицирующее воздействие на конкурентно-рыночный уровень экономической систем.

При всей гипотетичности высказанных положений они, тем не менее, содержат ряд вопросов, решение которых позволило бы определить место постиндустриальной проблематики в экономической теории и обеспечить более глубокое понимание постиндустриальной трансформации экономических систем. Ключевое значение, на наш взгляд, имеют два пункта. Во-первых, выбор подхода к анализу постиндустриальных преобразований. И, во-вторых, выявление особенностей системы присвоения в постиндустриальной экономике.

Выбор подхода: приоритет политэкономической методологии

Применительно к исследованию постиндустриальной экономики функциональный микро- или макроэкономический анализ в рамках неоклассической парадигмы едва ли способен дать какие-либо нетривиальные результаты, т.к. поверхностные рыночные формы в большинстве своем еще не подверглись глубоким изменениям даже в странах, которые принято считать постиндустриальными. Если же таковые (изменения) и имеют место, то они явно или неявно игнорируются теорией как «непарадигмальные» или просто несущественные.

Известный американский экономист У.Баумоль, оценивая вклад либеральной экономической науки, отмечает, что «наибольший научный прогресс можно обнаружить не в теоретических новациях, а в развитии эмпирических исследований и применении теоретических концепций к решению конкретных практических проблем» [1, с. 80]. Этот прагматизм экономической науки объясняется, конечно, не дефицитом творческих возможностей ученых в сфере эзотерических исследований, а ее местом и ролью (характером востребованности) в институциональной структуре западного общества. Но, так или иначе, ориентация на функциональный анализ поверхностных экономических форм составляет отличительную черту традиционной экономической теории.

Наиболее адекватным методологическим инструментом, позволяющим теоретически воспроизвести ненаблюдаемый внутренний механизм функционирования и развития экономической системы, обладает, на наш взгляд, структурно-генетический подход, который был реализован К.Марксом в исследовании капитализма. Попытка применения этого подхода к анализу системы присвоения, формирующейся на постиндустриальной стадии развития, представлена в данной статье.

Что происходит с собственностью в условиях постиндустриальной трансформации?

Сложность и многогранность отношений собственности в современной экономике такова, что их раскрытие требует хотя бы краткого экскурса в методологическую проблематику исследования собственности. В традициях отечественной экономической науки — анализ отношений собственности в единстве их правовых и экономических аспектов. Крайние позиции, квалифицирующие собственность либо как однозначно волевое отношение, закрепленное в системе права, либо как сугубо экономическую категорию, «растворяющуюся» во всей системе экономических отношений, не стали доминирующими.

В связи с рыночным реформированием российской экономики и, прежде всего, процессами приватизации в экономической литературе наметилось некоторое оживление в обсуждении проблем собственности. При этом отчетливо определились два направления. Первое можно обозначить как либерально-прагматичное. Его представители заняты, главным образом, подведением научно-теоретической базы под приватизацию «по-русски». Основной теоретический и методологический инструментарий этого направления - теория прав собственности и ее новейшие интерпретации в отечественной и зарубежной литературе. Второе направление связано с реализацией классической традиции анализа социально-экономического содержания собственности через призму деятельности человека. Категория присвоения выражает социально-экономическую структуру этой деятельности по производству и распределению специфического общественного богатства и раскрывается через систему отношений между основными агентами общественного производства. При этом центральное значение здесь имеет социально-экономическая определенность, статус самих агентов.

Не оспаривая теоретической и практической значимости первого направления в исследовании определенных аспектов системы собственности, мы полагаем, что теория прав собственности едва ли пригодна для анализа интерактивного пространства. Как уже отмечалось, формы общения как объект присвоения не описываются в терминах принадлежности и не предполагают ограничений доступа и спецификации прав собственности. Другое дело, что, включаясь в рыночный оборот, знания и умения, доверие и солидарность превращаются (реально или усилиями теоретиков) в человеческий и социальный капитал, информация — в товар, инновации — в нововведения как инструмент конкурентных преимуществ. Однако движение

превращенных форм осуществляется на ином, некооперативном, структурном уровне экономики. Кроме того, права собственности, как таковые, индифферентны к специфике форм человеческой деятельности, в том числе и интерактивной форме. Очевидно, что приоритет в раскрытии имманентной для постиндустриальной экономики системы присвоения принадлежит подходу к анализу собственности как социально-экономической структуры человеческой деятельности.

Характерно, что одним из первых признаков новой - постиндустриальной - общественной системы, на который обратили внимание его исследователи, была смена доминирующих факторов производства и объектов собственности. На место «видимых», осязаемых вещей, таких как земля, капитал, приходит информация в виде кодифицированного теоретического знания, новых технологий и т.д. Именно эти факторы все более отчетливо начинают играть роль ключевых экономических ресурсов, а, следовательно, объектов собственности.

Естественно, что это потребовало определения социально-экономического статуса новых субъектов собственности. Поэтому вопросы изменения социально-классовой структуры общества с самого начала находились в центре исследований постиндустриализма. Большинство исследователей (Д.Белл, Ф.Махлуп, Дж. Нэсбитт, П.Дракер и др.) главным в постиндустриальных социальных новациях полагают появление «четвертичного» - информационного - сектора экономики и позиционирование занятой в этом секторе новой социальной группы в современном обществе. Эту социальную группу называют по-разному - элитой статуса, интеллектуальной элитой, классом носителей знания, технократическим классом и т.д. Данной социальной группе, занятой в сфере информационного производства, приписываются так называемые постэкономические, или постматериалистические, ценности, связанные с мотивом самореализации личности, — ценности, которыми не обладают другие категории занятых. Некоторые исследователи идут дальше и включают в новую социальную группу только людей, способных к творчеству.

Позднейшая новация в части социальной структуризации современного общества - появление нетократии - субъектов сетевой власти, противостоящих и манипулирующих поведением консьюмтариата - потребителей. Термины введены шведскими авторами А.Бардом и Я.Зодерквистом [2] в книге «Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма». Что касается жизни «после капитализма», то это явное преувеличение, поскольку нетократы как раз и заняты продвижением капиталистически произведенных товаров через компьютерные сети. Но с точки зрения источника власти (нетократия в буквальном переводе — власть сетей) эта группа, разумеется, могла появиться только на постиндустриальной стадии. В группу нетократов попадают далеко не все желающие, но только «элита», обладающая глубокими специфическими знаниями и соответствующими связями в сетевом «гольф-клубе». Скорее

всего, нетократия - далеко не последняя форма капитализации интерактивной модели с помощью современных информационных и телекоммуникаций средств.

Эти теории отражают реальные процессы, происходящие в постиндустриальном обществе, но интерпретируют их, на наш взгляд, не вполне адекватно. Исследователи стремятся вывести «постматериалистов» за пределы традиционной (индустриальной) классовой структуры и представить их каким-то новым классом или стратом на том основании, что содержание их труда качественно отличается от традиционной промышленной рутины. Но, во-первых, содержание труда само по себе еще не определяет социально-экономического положения производителя. Во-вторых, любой способ производительного приложения труда является в то же время и приложением информации, и не существует какой-либо строго определенной меры, которая позволила бы точно определить степень «интеллектуальности» или «информационности» тех или иных видов труда. В-третьих, применение термина «постэкономический» в смысле альтернативы материальной (экономической) мотивации по сути подразумевает, что исследователи воспроизводят далеко не новый и небесспорный тезис о том, что только товарно-стоимостные формы имеют статус экономического отношения.

И, наконец, нельзя не учитывать того обстоятельства, что подавляющая часть этой «новой элиты» принадлежит к категории лиц наемного труда независимо от того, «ощущают» они эксплуатацию или нет. Поскольку представители «новой элиты» в массе своей включены в отношения трудового найма, в этом качестве они ничем не отличаются от обычных наемных работников, реализующих на рынке труда свою индивидуальную рабочую силу.

Реальность такова, что система собственности, основанная на отчуждении производителя от средств производства и предполагающая куплю-продажу рабочей силы в целом, сохраняет свое значение. Вместе с тем, по многим качественным параметрам (уровень жизни, характер потребностей, степень влияния на принимаемые на разных социальных уровнях решения, возможности социального самоопределения и мобильности и т.д.) работники информационного сектора существенно отличаются от традиционного пролетариата. Это позволяет предположить сосуществование в одном и том же экономическом процессе двух способов соединения факторов производства, взаимосвязанных и в то же время качественно отличных друг от друга. Также можно предположить, что данное различие обусловлено появлением какого-то нового фактора производства, оказывающего решающее влияние на всю экономическую структуру общества.

Позиция наемного работника, обладающего профессиональными навыками в какой-либо отрасли труда, т.е. выступающего в качестве носителя и продавца функциональной рабочей силы (способности к выполнению определенной функции в системе профессионального разделения труда), определяется, прежде всего, его экономической зависимостью от

работодателей и конъюнктуры на рынке труда. В то же время доминирующим фактором формирования рынка труда в современных условиях является все более настоятельная потребность экономики в качественно новом работнике. Его ценность заключается не только и не столько в наличии узкопрофессиональных знаний и навыков (что тождественно его функциональной рабочей силе), сколько в способности к перманентному обучению и умению применять специфическую производительную силу, которая представлена в информационных ресурсах общества и новых информационных технологиях. Между тем, применить эту производительную силу в своей деятельности, в отличие от обычного орудия труда, можно только как свою собственную силу, т.е. присвоив ее. Таким образом, в новых исторических условиях интерактивная форма становится не только средством социализации человека и предпосылкой общественного признания индивидуального (частного) труда, что было характерно для прошлых эпох, - она оказывается встроенной в систему присвоения в качестве ее важнейшей стороны.

Следовательно, в одном и том же отношении индивид выступает как наемный работник, продавец своей индивидуальной рабочей силы и в то же время - как субъект присвоения качественно новой производительной силы. Действительная проблема собственности, занятости и доходов в постиндустриальной экономике заключается в том, что условием реализации индивида как наемного работника, отчуждающего собственную рабочую силу, во все большей степени выступает его же реализация как субъекта присвоения информационного богатства общества.

Присуще ли указанное противоречие только «интеллектуальной элите»? Факты свидетельствуют о том, что двойственность социально-экономического статуса - удел всех категорий работников. Различия заключаются лишь в остроте и формах проявления данного противоречия. Феномен функциональной неграмотности связан с неумением человека, имеющего навыки в той или иной отрасли, работать с информационными ресурсами вообще, что негативно сказывается на его социальном и экономическом положении в обществе. Двойственность экономического статуса работника изменяет также природу и уровень факторного дохода, движение которого определяется теперь не только и не столько стоимостью индивидуальной рабочей силы, сколько мерой специфической общественной власти, которая возникает из обладания уникальными знаниями и умениями, а значит - из способности приводить в движение творческий потенциал общества.

Сказанное не означает, что «элита», которая функционально также включена в систему профессионального разделения труда, не испытывает на себе влияния рынка труда. Такое влияние безусловно существует, но оно в значительной степени нейтрализуется бурным ростом «четвертичного» сектора экономики, а также значительно более широкими возможностями самонайма для носителей интеллектуального капитала. В этой связи просматривается еще одна характерная черта постиндустриальной системы -

нарастающее ослабление экономической зависимости наемного труда от капитала. Чем большим объемом информационной власти располагает наемный работник, тем больше у него возможностей для экономического самоопределения. Социальная группа нетократов - один из наиболее ярких примеров. Сетевые операторы могут работать и на крупную компанию, и на себя, получая власть благодаря своим уникальным способностям не только над крупным бизнесом, но и над политическими структурами. Более распространенная форма экономического самоопределения - организация малого бизнеса в интеллектуальной сфере в форме партнерств - финансовые, медицинские и юридические услуги, проектирование, разработка и продвижение новых технологий и т.д.

Революция в организации бизнеса: совместим ли капитализм со всесторонним развитием личности

Эта тихая постиндустриальная революция вытеснения капиталистического найма скорее напоминает эволюцию и может продолжаться неопределенно долго, поскольку условия найма и использования рабочей силы также совершенствуются — от бригадной организации труда на промышленных предприятиях до создания весьма привлекательных для интеллектуалов креативных компаний типа «Майкрософт», аутсорсинга и дистанционно-сетевой организации наемного труда на дому.

По мнению Л.С. Бляхмана [3, с. 26], частная собственность в инновационной экономике эволюционирует в том смысле, что капиталисты «утрачивают монополию на средства производства. Возрастает роль индивидуальных производителей, которые не работают по найму, продают не рабочую силу, а уникальный информационный и инновационный продукт». Это положение вполне коррелируется с нашей позицией по вопросу эволюции системы собственности в постиндустриальную эпоху. В сущности, продажа рабочей силы постепенно становится анахронизмом. Этому способствует не только ослабление экономической зависимости наемных работников от капитала, но и нарастание противоположного процесса — зависимости бизнеса от креативных индивидуумов, обладающих своего рода интерактивной властью, - способностью извлекать из информационно-сетевых емкостей уникальные ресурсы, заметно ускоряющие процесс создания стоимости.

Существенный интерес в данном контексте представляют процессы, которые в упоминавшейся уже статье известного российского экономиста Л.С. Бляхмана [3, с. 26] характеризуются как «революция в организации бизнеса». Главное содержание происходящих перемен автор видит в переходе от автономных, независимых фирм, специализирующихся по отраслевому, предметно-технологическому принципу, к взаимосвязанным сетевым структурам, образующим цепи создания стоимости.

Речь, таким образом, идет о кластерно-сетевой реорганизации крупных фирм, построенных по отраслевому предметно-технологическому принципу с вертикальной иерархической структурой. Участниками вновь формируемой

сети могут быть независимые средние и малые фирмы, располагающие специфическими интеллектуальными ресурсами и инновационными преимуществами. Подобная реорганизация обеспечивает двоякий эффект:

- эффект разнообразия продукции в соответствии с индивидуализированными потребительскими предпочтениями - задача, практически неразрешимая в силу чрезмерной затратности для крупных компаний, не обладающих гибкостью и оперативностью малого бизнеса;

- эффект (творческого) разнообразия коллективов, которым передается производство отдельных узлов, деталей и готовых изделий, выражается в существенном приросте стоимости в каждой ячейке сетевой структуры за счет уникальной для каждого коллектива интерактивности - способности к овладению и применению всеобщей производительной силы. Таким образом формируются цепи создания стоимости.

Теоретически каждую операцию можно сделать предметом приложения сил специального коллектива, обладающего инновационно-креативным потенциалом, что обеспечило бы фантастический прирост стоимости. Практически же количество стоимостных цепочек ограничивается техноэкономической целесообразностью и величиной транзакционных издержек.

Предмет острого интереса современного бизнеса - доступ к «всеобщему интеллекту» (по Марксу), который объективно становится главным продуцентом стоимости. Осознание фирмами этого интереса связано с изменением условий конкуренции, которое было инициировано доминированием рынка потребителей и необходимостью перехода от массового производства стандартной продукции к ее потребительской сегментации. Как отмечается в литературе [3], главной целью конкуренции становится вывод на рынок новых видов продукции, а главным средством — лучшее использование общественных производительных сил на основе долгосрочной стратегии развития социального и человеческого капитала, управления знаниями.

Таким образом, вместе с заинтересованностью в доступе к общественным производительным силам приходит также понимание зависимости от носителей интеллектуального капитала. Иначе говоря, бизнес остро нуждается в услугах создателей и пользователей всеобщего интеллекта. Назовем их для краткости «медиаторами», хотя этот термин далеко не исчерпывает спектр их деятельности. Учитывая принцип неисключаемости из интерактивного пространства, теоретически - это весь профессиональный спектр занятых, включая различные предпринимательские и общественные организации. Практически же бизнесу интересны индивиды и организации, отличающиеся умением абсорбировать, циркулирующие по всему миру, и, прежде всего, в глобальных компьютерных сетях, знания и придавать им технологически пригодную для производительного использования форму. Заметим, что в отличие от «клуба» нетократов доступ к работе с глобальными информационными ресурсами регулируется только способностью индивидов к обучению.

Как бы то ни было, быстрое распространение практики выстраивания таких цепочек создания стоимости свидетельствует о том, что бизнес становится, если уже не стал, заложником новой системы присвоения, формирующейся в постиндустриальной экономике. Рискнем предположить, что рано или поздно бизнес вынужден будет избрать своим девизом формулу «всестороннего и гармоничного развития личности».

Это предположение имеет под собой некоторые основания теоретического порядка, учитывая специфические особенности объекта и способа присвоения в постиндустриальном обществе (в данном контексте мы рассматриваем систему присвоения в постиндустриальной экономике безотносительно к степени ее зрелости).

Контуры присвоения в постиндустриальной экономике

Под всеобщей производительной силой мы понимаем неовещественную или, используя термин Д.Белла, «кодифицированную» форму существования общечеловеческой культуры, важнейшей составной частью которой является научное знание. Этот объект весьма специфичен по сравнению с обычными факторами производства. Он не локализован в пространстве в отличие от обычных материально-вещественных условий производства; он очень подвижен, «текуч» и находится в постоянном изменении, подпитываясь знаниями своих «медиаторов»; он неотчуждаем от своего естественного носителя - человечества, поскольку одно без другого просто не существует. Таким образом, обычные (рыночные) способы реализации собственности применительно к данному объекту неосуществимы - его нельзя купить или продать, передать по наследству, его нельзя разделить на части (поскольку эта производительная сила существует лишь как целое) и юридически зафиксировать «долевое участие» отдельных субъектов.

Это не значит, что всеобщая производительная сила существует вне рыночной среды. Так, предметом рыночного оборота является интеллектуальная собственность. Однако было бы ошибочно смешивать объекты интеллектуальной собственности с феноменом всеобщей производительной силы. Объекты интеллектуальной собственности существуют в виде информационных продуктов. Их можно зафиксировать и юридически обозначить как отдельные объекты собственности. Но нетождественность их со всеобщей производительной силой обнаруживается всякий раз, когда объект интеллектуальной собственности вдруг исчезает или его рыночная ценность резко возрастает в результате новых открытий и изобретений, которые инициируются движением «всеобщего интеллекта». Здесь же кроются причины непредсказуемых скачкообразных изменений стоимости нематериальных активов, что порождает существенный отрыв рыночной (биржевой) стоимости компаний, особенно высокотехнологичных, от их реального хозяйственного потенциала.

В отличие от обычного орудия труда, представляющего собой вещь или комплекс вещей и выступающего по отношению к индивиду как нечто внешнее или даже не принадлежащее ему, всеобщая производительная сила

есть система общечеловеческих способностей. Применять ее в своей деятельности индивид может не иначе, как только трансформируя в структуру своей личности и используя, в меру ее освоения и реализации, как свои собственные способности. Поэтому применение силы всеобщего интеллекта выражается в обогащении, развитии индивидуальных способностей человека, а значит - в инновационном продуцировании новых знаний, которые обогащают новыми элементами саму всеобщую производительную силу и расширяют творческие возможности других субъектов ее присвоения.

Движущим противоречием этой формы является неустранимое несоответствие индивидуального творческого потенциала и силы «всеобщего интеллекта». Такое противоречие обуславливает безграничность стремления индивида к освоению творческого потенциала сообщества. Мера присвоения индивидом силы всеобщего интеллекта есть мера его общественной власти, которую в отличие от денег нельзя носить в кармане, но которая, вместе с тем, допускает различные способы использования в зависимости от уровня развития общества, нравственных или иных регуляторов и т.д.

Объективно основное содержание данной системы присвоения составляют отношения взаимообусловленности свободного развития всех индивидов, применяющих и обогащающих в своей деятельности систему общечеловеческих творческих способностей. Выражением этого творческого сотрудничества и является категория всеобщей производительной силы.

Завершая анализ наиболее существенных особенностей системы присвоения в постиндустриальной экономике, считаем целесообразным еще раз подчеркнуть значение интерактивной формы в становлении постиндустриального общества и в сжатой форме обозначить основные ступени ее генезиса.

В первобытную эпоху интерактивная модель работала на выживание и последующее (позднепервобытный период) частнохозяйственное разложение общины, возникновение и развитие товарного производства.

В доиндустриальную эпоху та же модель в локальных масштабах применялась как условие общественного признания частного труда товаропроизводителей и фактор формирования науки как социального института, возникшего в результате установления и развития обширных торговых и общекультурных связей, но практически не связанного с процессом производства. Критически важным условием становления науки явилось книгопечатание.

В раннеиндустриальную эпоху миссия интерактивной модели смещается в направлении интенсивного развития науки и широкого использования научных знаний в капиталистическом машинном производстве. Здесь впервые в истории интерактивная модель в части ее информационно-знаниевой емкости, минуя непосредственного производителя (наемного рабочего), принимает овеществленную форму в виде системы машин, ставя работников в экономическую зависимость от капитала. Маркс говорил о силе «всеобщего интеллекта», подразумевая

именно науку как производительную силу, овеществленную в машинах и способах организации производства.

В позднеиндустриальную (или раннюю постиндустриальную) эпоху интерактивная модель впервые в истории опосредствуется глобальной информационно-компьютерной сетью с неограниченным доступом. Сетевая версия интерактивной модели возвращает человека в живое, глобальное интерактивное пространство, расширяя возможности экономического самоопределения и интеллектуального развития индивидов при абсолютном доминировании коммерческого использования сетей.

Дальнейшая эволюция позднеиндустриального капитализма во многом будет зависеть от способности мирового сообщества поставить под контроль действие гигантских сил, вызванных к жизни всеобщим интеллектом, и возможности придать этим силам действительно общечеловеческую направленность, несовместимую с полюсами богатства и нищеты, а также с имперскими устремлениями отдельных стран.

Трансформирующее влияние интерактивной модели на экономическую структуру капиталистического общества не ограничивается системой присвоения, но охватывает также механизмы регулирования экономики и социальную политику государства. Существенный интерес представляют вопросы, связанные с реализацией постиндустриальных тенденций в российской экономике. Эта проблематика будет предметом рассмотрения в последующих публикациях.

Литература:

1. Баумоль У. Чего не знал Альфред Маршалл: вклад XX столетия в экономическую теорию // Вопросы экономики. - 2001. - № 2. - С. 73-107.
2. Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма / Пер. со швед. - СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004.
3. Бляхман Л.С. Новый этап обобществления производства и революция в организации бизнеса // Проблемы современной экономики. - 2013. - № 3 (47). - С. 24-35.
4. Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. - М.: Логос, 2000.
5. Рязанов В.Т. Кризис индустриализма и перспективы постиндустриального развития России в XXI веке // Постиндустриальный мир и Россия. - М.: Эдиториал УРСС, 2001.
6. Хардт М., Негри А. Империя: Пер. с англ. / Под ред. Г.В. Каменской, М.С. Фетисова. – М.: Праксис, 2004.

References:

1. Baumol W. What did not know Alfred Marshall: the contribution of the twentieth century in economic theory // Problems of Economics. - 2001. - № 2. - P. 73-07.

2. Bard A., Zoderkvist J. Netocracy. The new ruling elite and life after capitalism / Translated from the Swedish. - St. Petersburg: Stockholm School of Economics in St. Petersburg, 2004.

3. Blyakhman L. New stage of socialization of production and the revolution in business organization // Problems of the modern economy. - 2013. - № 3 (47). - P. 24-35.

4. Inozemtsev V. Modern industrial society: nature, contradictions and prospects. - Moscow: Logos, 2000.

5. Ryazanov V. The crisis of industrialism and post-industrial development prospects of Russia in XXI century // Postindustrial world and Russia. - Moscow: Editorial URSS, 2001.

6. Hardt M., Negri A. The Empire: Trans. from Engl., ed. G.Kamenskaya, M.Fetisova. - M.: Praxis, 2004.